

Выводы:

Батас – рубяще-колошечное орудие ближнего боя, но он и применялся в более широком назначении как охотничье орудие для добычи таких крупных зверей, как медведь, лось, олень и др.

При сравнении батас-ов из фондов музеев «Полюс холода» Верхоянского и «Якутская политссылка» Таттинского районов мы пришли к следующим выводам:

- Оба батас-ы подлинны, один нашелся в северном Эвено-Бытантайском районе, а другой – в центральном Амгинском районе.

- Батас из фонда музея «Полюс холода» очень хорошо сохранен, а батас из фонда музея «Политссылка» имеет не очень хороший вид, у него разломано лезвие в нижней части батас-а.

- Батасы если посмотреть по размерам, они имеют чуть отличительные черты в размерах: размер батас-а фонда музея «Полюс холода» Верхоянского района чуть-чуть тонкий и маленький; по клинку почти на 2 см короче; по спинке на 0,1 мм тоньше; по лезвию на 1 и даже на 2 мм. тоньше. А батас фонда музея «Якутская политссылка» Таттинского района размеры чуть больше, чем у батас-а северного края.

Таким образом:

- батас-ы по внешнему виду очень похожи друг на друга.

- батас-ы по размеру клинков, спинков и лезвий имеют разные размеры: северный батас по форме – тонкий и меньший, а центральный батас по форме – крупнее и больше.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ:

1. Васильев Ф.Ф. Военное дело якутов. – Якутск: Бичик, 1995. – С. 91–96.
2. Бравина Р.И., Попов В.В. Погребально-поминальная обрядность якутов: памятники и традиции (XV–XIX вв.). – Новосибирск: Наука, 2008. – С.123-130.
3. Гоголев А.И. Якуты (Проблемы этногенеза и формирования культуры). – Якутск: Якут. ун-т, 1993. – С. 106–107.
4. Зыков Ф.М. Традиционные орудия труда якутов (XIX – начало XX века). Новосибирск, 1989 г.
5. Константинов И.В. Материальная культура якутов XVIII века (По материалам погребений). – Якутск: Якутиздат, 1971. – С.35, 41, 48.
6. Попов В.В. Итоги работы Саха-французской археолого-этнографической экспедиции (2004–2017 гг.). – Якутск. 2018. – С. 75–77.

**ПОСТСОВЕТСКАЯ ИСТОРИЯ ТАТАРСТАНА: ИЗМЕНЕНИЕ СИСТЕМЫ
ВЗАИМООТНОШЕНИЙ С ФЕДЕРАЛЬНЫМ ЦЕНТРОМ В 2000 – 2010 ГГ.**

Судьин Андрей Владимирович

кандидат экономических наук

Институт востоковедения

Российской академии наук, г. Москва

**POST-SOVIET HISTORY OF TATARSTAN: CHANGING THE RELATIONSHIP SYSTEM WITH
THE FEDERAL CENTER IN 2000-2010.**

Sudyin Andrey

Candidate of Sciences (Economics)

Institute of Oriental Studies

of the Russian Academy of Sciences, Moscow

DOI: 10.31618/nas.2413-5291.2021.1.71.469

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается процесс урегулирования правовых аспектов взаимоотношений между Республикой Татарстан и федеральным центром в период с 2000 по 2010 годы.

ABSTRACT

The article considers the process of settlement of legal aspects of relations between the Republic of Tatarstan and the federal center in the period from 2000 to 2010.

Ключевые слова: Республика Татарстан; федеральные органы власти; основы взаимоотношений.

Keywords: the Republic of Tatarstan; federal authorities; fundamentals of relations.

В начале 2000-х годов Конституционный суд Российской Федерации приступил к рассмотрению конституций входящих в федерацию республик на предмет их соответствия основному закону России. В июне 2000 года он постановил: «Суверенитет Российской Федерации как демократического федеративного правового государства, закреплен Конституцией Российской Федерации в качестве одной из основ конституционного строя... Конституция Российской Федерации не допускает какого-либо иного носителя суверенитета и источника

власти, помимо многонационального народа России, и, следовательно, не предполагает какого-либо иного государственного суверенитета, помимо суверенитета Российской Федерации. Суверенитет Российской Федерации, в силу конституции, исключает существование двух уровней суверенных властей, находящихся в единой системе государственной власти, которые обладали бы верховенством и независимостью, т.е. не допускает суверенитета ни республик, ни иных субъектов Российской Федерации... Республики как субъекты Российской

Федерации не имеют статуса суверенного государства и решить этот вопрос иначе в своих конституциях они не могут, а потому не вправе наделять себя свойствами суверенного государства, — даже при условии, что их суверенитет признавался бы «ограниченным» [1].

Вскоре после принятия данного постановления Конституционный суд РФ в своем специальном определении отметил, что данное решение касается всех субъектов федерации, включая Татарстан. В этом определении четко указывалось, что входящие в Российскую Федерацию республики не могут обладать суверенитетом [2].

В связи с этим Генеральный прокурор Российской Федерации Владимир Устинов отдал специальное распоряжение региональным прокурорам о приведении в месячный срок законодательства субъектов федерации, в том числе и Татарстана, в соответствие с общероссийским законодательством. Но татарстанские власти, немало сделавшие для укрепления суверенитета своей республики, отнюдь не спешили выполнять решение Конституционного суда и требование генпрокурора. Причем президент Шаймиев прямо заявил, что «месячный срок — это нереально».

В соответствии с приказом из Москвы, прокурор Татарстана вынес протест по восьми республиканским законам, но не опротестовал остальные татарстанские законы, противоречащие федеральным. Сразу же после этого он ушел в отставку с поста прокурора и возглавил Конституционный суд Республики Татарстан, созданный для защиты именно республиканской, а не федеральной конституции.

Как республиканские, так и федеральные власти признавали необходимость урегулирования противоречий между Татарстаном, с одной стороны, и федеральным центром, с другой стороны. С точки зрения Москвы это урегулирование подразумевало изменение конституции республики в соответствие с федеральной конституцией. Однако республиканские власти имели иной взгляд на данную проблему. Например, президент Татарстана неоднократно подчеркивал, что согласование конституций и законодательства в целом — это не односторонний, а обоюдный процесс, подразумевающий взаимные уступки. По мнению татарстанского руководства, изменять следует не только республиканские, но и федеральные законы, для чего необходимо создать специальную двустороннюю комиссию. С этим в известной степени был согласен и российский президент, заявивший: «Мы провели приблизительный анализ законодательства Татарии и России. Некоторые вещи нужно изменять в соответствии с федеральными законами, а кое-где, может быть, следует поменять и российские законы. В каждом конкретном случае будем исходить из здравого смысла, а не из желания всех причесать под одну гребенку. Главное — чтобы у нас было единообразие законов на всей территории России» [3].

Несмотря на готовность федерального центра пойти навстречу Татарстану и иным республикам, совершенно очевидно, что речь могла идти лишь о коррекции отдельных законов, а не о коренном пересмотре российского законодательства. А основные уступки ожидались от регионов, том числе и от Татарстана. И эти уступки должны были быть весьма существенными, учитывая большую разницу между местными и федеральными законами. Но также очевидно, что региональные элиты были не заинтересованы в пересмотре тех законов, которые принимались на местах в период «парада суверенитетов». Здесь трудно не согласиться с мнением советника президента Татарстана Рафаэля Хакимова, полагавшего, что задуманные федеральным центром реформы можно было бы сравнительно легко провести тогда, когда «еще выборности не было, политические элиты и экономические интересы не сложились. А сегодня политические элиты и экономические интересы уже сложились, и никто не хочет отдавать эту власть» [4].

Согласно конституции Татарстана, пересмотр основного закона республики мог быть осуществлен только на основе решения Государственного Совета (республиканского парламента), которое должно быть принято большинством не менее двух третей от установленной численности депутатов. В начале 2000-х годов Госсовет Татарстана в значительной степени состоял из местного руководства и директоров крупных предприятий, тесно связанных с президентскими и правительственными структурами. Поэтому, в конечном счете, решения Госсовета во многом зависели от позиции республиканской исполнительной власти и, прежде всего, от президента, который явно не торопился с пересмотром республиканского законодательства и предпочитал вести поэтапные переговоры с Москвой по данному вопросу. При этом в качестве аргумента использовались те аспекты законодательства, которые в Татарстане были более тщательно разработаны, чем в масштабах всей России. Это, прежде всего, Земельный кодекс и некоторые законы, касающиеся решения конкретных проблем (например, закон о защите населения от последствий стихийных бедствий, который получил высокую оценку от министра МЧС Сергея Шойгу, сопровождавшего президента России во время его визита в Казань в 2000 году).

В своей дискуссии с Москвой татарстанские власти использовали и такой чисто политический фактор, как фракционный состав прежней Государственной Думы, повлиявший на ее законотворческую деятельность. На встрече с журналистами в августе 2000 года президент Шаймиев заявил: «Татарстан, к примеру, принял прогрессивные законы, которые в России просто не могли быть введены из-за коммунистического большинства в прежней Думе. Почему мы от них должны отказываться?» [5] Но, как представляется, главное расхождение между федеральным и республиканским законодательством было не в

степени «прогрессивности», а в том, что многие законы Татарстана, прежде всего его конституция, по существу являлись законами независимого государства. В качестве примера можно процитировать некоторые положения основного закона республики, принятого в 1992 году:

«Статья 1. Республика Татарстан — суверенное демократическое государство... Государственный суверенитет есть неотъемлемое качественное состояние Республики Татарстан.

Статья 59. Республика Татарстан самостоятельно определяет свой государственно-правовой статус... Законы Республики Татарстан обладают верховенством на всей ее территории, если они не противоречат международным обязательствам Республики Татарстан.

Статья 62. Республика Татарстан вступает в отношения с другими государствами, заключает международные договоры, обменивается дипломатическими, консульскими, торговыми и иными представительствами, участвует в деятельности международных организаций, руководствуясь принципами международного права» [6].

Все вышеперечисленные и некоторые иные положения татарстанской конституции находились в прямом противоречии с конституцией России. Это касалось и зафиксированного в основном законе республики принципа ассоциированности отношений Татарстана с Россией. Российская конституция не предусматривает никаких ассоциированных отношений с субъектами федерации и фактически допускает лишь определенную автономию последних (хотя слово «автономия» прямо не упоминается, поскольку этот термин был сильно дискредитирован в советское время и ассоциируется в общественном сознании с практически бесправным положением бывших автономных республик).

Заключенный в 1994 году Договор о разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между Россией и Татарстаном явился своего рода компромиссом между федеральной и республиканской конституциями. Татарстанская сторона, судя по всему, надеялась, что и при разрешении законодательных противоречий с федеральным центром вновь удастся достичь компромисса. В любом случае республиканские власти не могли согласиться на возврат к чисто формальной автономии Татарстана, который в конце 1990-х годов обладал большей самостоятельностью, чем бывшие союзные республики СССР, не говоря уже об автономных.

С чисто процедурной точки зрения изменение республиканской конституции было вполне возможным, если бы на это решилось высшее руководство республики. В Госсовете Татарстана к тому времени уже имел место пересмотр конституции, когда сравнительно легко была изменена статья, запрещающая одному и тому же лицу быть президентом более двух сроков подряд. Это было сделано для того, чтобы президент Шаймиев

смог третий раз подряд занять высший государственный пост в республике.

Прецедент, связанный с пересмотром конституции, с одной стороны, показал, что основной закон Татарстана может быть легко изменен. Но, с другой стороны, очевидно, что Госсовет готов был утвердить лишь те изменения, которые инициированы республиканским руководством, а отнюдь не федеральным центром. Следует также иметь в виду, что конституция Татарстана была принята на основе референдума, и ее статьи, касающиеся суверенитета республики, были одобрены большинством населения. Поэтому любой отход от принципа суверенности Татарстана всегда негативно воспринимался местной общественностью.

Особенно острая реакция, несомненно, следовала со стороны татарских националистов, крайне болезненно воспринимавших любые посягательства на суверенитет. Но и прочие жители Татарстана в большинстве своем были недовольны попытками Москвы ограничить самостоятельность республики в вопросах политики и в области экономики, в том числе в финансово-бюджетной сфере.

Соглашение о бюджетных взаимоотношениях между Республикой Татарстан и Российской Федерацией, заключенное в феврале 1994 года, имело пятилетний срок действия. В 1999 году оно было фактически продлено татарстанской стороной, поскольку содержащиеся в нем нормы вошли в республиканский бюджет. Но в 2000 году Татарстан вынужден был согласиться на пересмотр своих бюджетных взаимоотношений с центром. В свою очередь Москва дала согласие на финансирование ряда объектов республиканской экономики из федеральной казны. Это, прежде всего, касалось объектов, имеющих общероссийское значение.

Поиск взаимоприемлемого решения проблемы отношений Москвы и Казани стал одной из ключевых задач татарстанского руководства в начале 2000-х годов. После весьма непростой работы по согласованию противоречащих друг другу статей конституций России и Татарстана, новая редакция основного закона республики, подготовленная Конституционной комиссией, была в феврале 2000 года представлена на рассмотрение в Госсовет.

Как впоследствии вспоминал председатель Госсовета Фарид Мухаметшин, «в своей работе Конституционная комиссия исходила из того, что в проекте новой редакции основного закона необходимо было адекватно отразить масштабные перемены, произошедшие в жизни республики, произвести надлежащую настройку татарстанских конституционных норм как с Конституцией Российской Федерации, так и в целом с развивающимся федеральным законодательством» [7]. При этом глава Госсовета отметил: «Крайне важно было сохранить преемственность базовых статей конституции 1992 года, определивших статус республики. На рубеже эпох впервые в истории

Татарстана реальным источником власти стал многонациональный народ, и не считаться с его волей было бы отступлением от принципов демократии. Существенные изменения и дополнения конституции могли быть сделаны лишь в рамках договора [между Татарстаном и Российской Федерацией], воплотившего в себя итоги всенародного голосования и закрепившего конституционный статус республики. В этом и состоит отличительная особенность основного закона Татарстана, позволяющая трактовать изменения и дополнения не в виде создания принципиально нового закона, а как уточненную редакцию действующей конституции, отражающую и подтверждающую в своей основе выстроенный политико-правовой каркас республики» [7].

В марте 2000 года проект закона «О внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Татарстан» был рассмотрен на сессиях городских и районных советов народных депутатов. Дискуссия по нему прошла в республиканских средствах массовой информации. В процессе обсуждения проекта к нему поступило свыше 1200 предложений и поправок. Значительная часть из них была включена в итоговый текст.

Новая редакция Конституции Республики Татарстан была принята Госсоветом 19 апреля 2002 года. За ее принятие проголосовали 112 депутатов, против — только 5. Большинство статей в ней в основном соответствуют статьям первого варианта, принятого 6 ноября 1992 года. Но есть и существенные различия. Если первоначально конституция Татарстана по сути была конституцией независимого (с оговорками) государства, находящегося в ассоциированных отношениях с Россией, то в новой редакции подчеркивается, что республика находится в правовом поле Российской Федерации и является ее субъектом, хотя и обладает при этом довольно широкой самостоятельностью.

Так, например, в статье 1 говорится:

«Республика Татарстан — демократическое правовое государство, объединенное с Российской Федерацией Конституцией Российской Федерации, Конституцией Республики Татарстан и Договором Российской Федерации и Республики Татарстан... и являющееся субъектом Российской Федерации. Суверенитет Республики Татарстан выражается в обладании всей полнотой государственной власти (законодательной, исполнительной и судебной) вне пределов ведения Российской Федерации и полномочий Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и Республики Татарстан и является неотъемлемым качественным состоянием Республики Татарстан» [8].

После принятия новой редакции основного закона республики возникла необходимость пересмотра Договора о разграничении полномочий и предметов ведения между Татарстаном и Российской Федерацией, заключенного в 1994 году, поскольку некоторые положения этого договора вступили в противоречие с

соответствующими статьями конституции. К тому же в 2003 году были приняты поправки в закон Российской Федерации «Об общих принципах организации законодательных и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ», согласно которым в течение двух лет следовало переоформить все договоры между субъектами федерации и центром, приведя их в соответствие с общероссийским законодательством.

После весьма непростых консультаций и переговоров между Москвой и Казанью, в том числе в рамках специально созданной комиссии, в 2005 году удалось в основном согласовать текст нового договора. В октябре 2005 года договор был одобрен Госсоветом Татарстана. Однако и после этого острая дискуссия по вопросу о договоре не прекратилась. В декабре 2006 года Президент Российской Федерации внес текст договора на рассмотрение и утверждение в Федеральное Собрание. Нижняя палата — Государственная Дума — согласилась утвердить договор, однако верхняя палата — Совет Федерации — его отклонила, сославшись на то, что он противоречит российскому законодательству. Особое недовольство у сенаторов вызвал пункт 5 статьи 2 договора, где говорилось: «Государственными языками в Республике Татарстан являются русский и татарский языки... Для кандидатур на замещение должности высшего должностного лица Республики Татарстан... устанавливается дополнительное требование, предусматривающее владение государственными языками Республики Татарстан» [9]. Но, в конце концов, договор был подписан президентами России и Татарстана 26 июня 2007 года, а 24 июля того же года В.В.Путин подписал федеральный закон «Об утверждении Договора о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан». В результате Татарстан остался единственным регионом России, оформившим договорные взаимоотношения с Москвой. В отличие от предыдущего договора, носящего бессрочный характер, новый договор был заключен на десять лет — до 2017 года.

То, что этот договор существенно отличался от прежнего, видно уже по их названиям. Если в первом варианте говорилось о «взаимном делегировании полномочий» (т.е. Татарстан как бы добровольно делегировал Москве их определенную часть), то в новом варианте речь шла о «разграничении полномочий» (т.е. об их распределении между федеральным центром и Татарстаном, как субъектом федерации). Таким образом, новый договор в большей степени соответствовал российской конституции, предусматривающей четкие федеративные, а отнюдь не конфедеративные или «асимметричные» отношения Москвы и регионов. Хотя Татарстан, постоянно настаивавший на «асимметричной федерации», все-таки сохранил на десять лет свое

отличие от остальных регионов России уже самим фактом заключения особого договора с Москвой.

Список литературы:

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 7 июня 2000 г. «По делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации». — М., 2000.

2. Время новостей. — М., 10.07.2000.

3. Время новостей. — М., 26.06.2000.

4. Независимая газета. — М., 28.06.2000.

5. Время новостей. — М., 21.08.2000.

6. Суверенный Татарстан. — М., 1997, с. 201, 211, 212.

7. Республика Татарстан. — Казань, 02.11.2012.

8. Татарстан Республикасы Конституциясе / Конституция Республики Татарстан. — Казань / Казань, 2012, с. 239.

9. Официальный сайт Государственного Совета Республики Татарстан // <http://www.gossov.tatarstan.ru/dokument/dogovor/rftr>